

Отзыв официального оппонента

доктора исторических наук, профессора Фельдмана Михаила Аркадьевича на диссертационную работу Шарапова Сергея Валерьевича «Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского судебного политического процесса (март–декабрь 1928 г.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация Шарапова Сергея Валерьевича «Идеолого-пропагандистское обеспечение Шахтинского судебного политического процесса (март–декабрь 1928 г.)» посвящена важному явлению советской истории – трансформации советского политического режима на рубеже 1920-х – 1930-х гг.; переходу к чрезвычайным мерам в области управления экономикой; началу длительного периода инспирируемых властью социальных конфликтов.

Диссертация содержит обстоятельный историографический обзор отечественной и зарубежной литературы по исследуемой проблеме. Круг поставленных задач позволяет раскрыть характер и параметры Шахтинского процесса 1928 г. и ряда последовавших за ним показательных судов над «вредителями»; характеристики идеолого-пропагандистского обеспечения судебного политического процесса.

Диссертация опирается на широкий круг источников, позволяющих говорить о фундированности работы. Структура диссертации, в основу которой положено сочетание общенаучного системного подхода с подходами ряда социогуманитарных наук, логична. Следует отметить и умелое применение специальных методов, использованных в работе, среди которых особое место занимает *метод контент-анализа*, позволивший оперировать количественными данными в изучении массовых источников.

Профессионально определена автором и методологическая основа исследования. Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые было исследовано зарождение и развитие направляемой сверху, в том числе, лично Сталиным, координации деятельности как судебно-следственных, так и партийно-государственных и агитационно-пропагандистских органов. Другим элементом новизны работы является системное рассмотрение идеолого-пропагандистской кампании 1928 г., как формата целенаправленного воздействия на массовое сознание советского общества в целом и отдельных его групп, ставшего образцом для аналогичных кампаний в период 1929–1953 гг.

Первая глава «Политико-идеологическая подготовка «Шахтинского дела»» посвящена анализу предпроцессной стадии кампании (10 марта – 17 мая 1928 г.).

В главе аргументированно и поэтапно рассматривается ход разработки идеологического обоснования грядущего процесса. С. В. Шарапов разделяет мнение о том, что инициированием Шахтинского процесса И. В. Сталин наносил превентивный политический удар по позициям сторонников социально-реформистского пути развития советского государства, поскольку осуждением группы «буржуазных» специалистов, обвиненных во «вредительстве», дискредитировалась часть большевистского руководства, настроенная на продолжение и углубление сотрудничества со «старой» интеллигенцией (с. 41).

Бесспорность этого тезиса не вызывает сомнений, но сталинская позиция в этом вопросе была только одной составляющей в общей стратегии радикального марксизма, нацеленной на приоритет «классовой борьбы».

Само участие А. И. Рыкова в анализе событий в Донбассе и подготовке выводов по Шахтинскому делу С. В. Шарапов обоснованно связывает со стремлением И. В. Сталина установить единоличный контроль над членами Политбюро ЦК ВКП(б).

Столь же обоснованно рассмотрение обсуждения в Политбюро «Шахтинского дела» в контексте хлебозаготовительного кризиса и усиления нажима на крестьянство (с. 41).

Принципиально важным является замечание диссертанта о том, что расследование по «делу об экономической контрреволюции в Донбассе», начавшееся в июне 1927 г., включившее серию арестов среди инженеров и техников, не дало никаких оснований для обвинений в адрес «старых специалистов». Следственным органам, подчеркивает С. В. Шарапов, «не удалось получить признательных показаний от основных подозреваемых, как не удалось и связать производственные сбои с «вредительской деятельностью» инженерно-технического персонала» (с. 44).

Только оказывая психологическое давление на арестованных, работникам ОГПУ получить *отдельные* признания немногих специалистов» (с. 44).

Диссертация С. В. Шарапова убедительно фиксирует: как, и в какие сроки, прямое вмешательство И. В. Сталина и его единомышленников обусловило перевод расследования по «Шахтинскому делу» в наиболее активную его фазу, сопровождавшуюся интенсивным расширением круга арестованных и усиленной подготовительной пропагандистской работой в СМИ, готовившей советское общество к масштабному политическому процессу (с. 45).

Показана степень организованности и интенсивности работы многочисленных элементов, входящих в систему агитпропа – от органов прессы до партийных агитаторов на местах – в ходе развертывания политико-идеологической подготовки судебного процесса (с. 46).

Бесспорной заслугой диссертанта является проведенный текстуальный анализ проектов / «черновики» оценок «Шахтинского дела» в среде партийных лидеров (с. 48–49), позволивший сделать важный вывод: в руководстве ВКП(б) были представители, стремящиеся избежать связи феномена «экономической контрреволюции» с определенной прослойкой советского общества. Раскрыты методы сталинского воздействия на членов руководства партии, позволившие кардинально изменить итоговый вариант резолюции по «Шахтинскому делу», дополнив его отсылками к социально-групповому происхождению «вредителей» (с. 50–53).

В главе отмечается, что пропагандистская кампания вокруг «Шахтинского дела», начавшись за два месяца до открытия судебного процесса, носила конфронтационный характер, формируя и эксплуатируя образ «врага» – «контрреволюционера-вредителя» (с. 65). Образ врага являлся идеолого-психологической конструкцией и опирался на социально-психологические стереотипы восприятия социальных низов интеллигенции и иных страт, включая советских хозяйственников (с. 68)». Следует поддержать вывод диссертанта: феномен «экономической контрреволюции», актуализированный после раскрытия «шахтинского заговора», должен был перенести вектор рабочего протеста с коммунистов-управленцев на старых специалистов, якобы виновных за падение уровня жизни основной массы населения (с. 71).

Содержание главы подводит автора к справедливому выводу: используя пропагандистские ресурсы, партия частично легитимировала практики, которые ранее считались маргинальными и маркировались как «спецежество», замаскировав их под проявления «революционного чутья» и «коммунистической бдительности» (с. 87).

Характеризуя внешнеполитический аспект «Шахтинского дела» в советской пропаганде, диссертант аргументированно отмечает: несмотря на стремление советского руководства придать «Шахтинскому делу» международный резонанс, сделать реакцию на Шахтинский процесс подконтрольной и управляемой – государственные интересы развитых стран Запада и СССР заставляли обе стороны идти на постепенное ослабление напряженности в отношениях (с. 88, 99).

Завершают главу четко структурированные функции пропаганды, подготавливающей информационный фон под «вредительский» процесс.

Вторая глава «Информационно-пропагандистское сопровождение судебного процесса и закрепление его результатов» посвящена анализу хода пропагандистской кампании в период проведения процесса (18 мая – 05 июля 1928 г.) и на послепроцессной стадии (06 июля – 31 декабря 1928 г.).

Следует согласиться с мнением С. В. Шарапова о том, что Шахтинский процесс выполнял не только функцию подавления «классового врага»,

но равнозначной карательной выступала идеолого-воспитательная функция: советские граждане приучались, руководствуясь «коммунистической бдительностью», находить следы «контрреволюции» в повседневности социальных, производственных и бытовых взаимоотношений (с. 106).

Глава диссертации раскрывает характерные черты конфронтационного характера пропагандистской кампании (формирование образа «врага»), указывая на тенденцию к выведению на первый план наиболее отталкивающих черт в облике, характере и поведении подсудимых. Конкретизированный образ «шахтинского преступника» должен был вызывать в массовом сознании отторжение не только в качестве олицетворения «классового врага», но и на личностном уровне (с. 109).

При этом пропаганда прибегала к чрезвычайно действенной уловке: признаками «контрреволюционности» считались не только приверженность буржуазной или монархической идеологии, но и социальное прошлое (происхождение и статус), и социальное поведение (отношение к труду, к накоплению материальных благ и т. д.) (с. 110).

Важное место в главе отведено, во-первых, объяснению «чистосердечных признаний ряда обвиняемых»: психологическая обработка обвиняемых на предварительном следствии приводила к тому, что некоторые из них практически не осознавали серьезности выдвинутых против них обвинений (с. 122).

Во-вторых, дан анализ практики поведения рабочих-свидетелей на процессе: личные обиды, бывшие производственные и бытовые столкновения служили возможной мотивацией для дачи свидетельских показаний в пользу обвинения. Автором убедительно раскрыто политическое и функциональное значение участия свидетелей-рабочих в процессе (с. 129).

Вместе с тем, профессионально выполненный анализ обвинений свидетелей-рабочих не дает основания для вывода диссертанта о том, что Шахтинский процесс стал площадкой публичного столкновения пролетарской массы и «буржуазной» интеллигенции (представленной не только подсудимыми, но и адвокатами обвиняемых) (с. 134).

Собственно говоря, эта мысль прослеживается и в диссертации: как отмечает автор, данные контент-анализа материалов, опубликованных в «Правде» и в «Известиях», показывают доминирование темы «вовлечения рабочих в управление» – постоянной темы пропаганды в годы НЭПа, но отнюдь не призыв к различным карам против специалистов. Диссертант обращает внимание и на скорое снижение интенсивности тем, связанных с критикой «старой» инженерно-технической интеллигенции (с. 141, 148).

Одним из удачных фрагментов диссертации следует считать рассмотрение развернувшейся после пленума кампании по пропаганде его решений, как типичной хозяйственно-политической кампании

мобилизационного типа. Особенность ее состояла в том, что партийные решения затрагивали широкий круг взаимосвязанных между собой задач, решать которые предполагалось одновременно и в возможно краткие сроки.

За два месяца до начала судебного процесса советский пропагандистский аппарат уже действовал в мобилизационном режиме, осуществляя массированное воздействие на общественное сознание тех социальных групп, которые большевики считали своей опорой – прежде всего рабочих и советизированной массы городских средних слоев (с. 101).

Чрезвычайно важным и обоснованным является замечание диссертанта, характеризующее экономические последствия Шахтинского процесса: «начиная с апреля 1928 г., происходило неуклонное и постоянно растущее снижение добычи угля в Донбассе» (с. 173).

Отмечая очевидные достоинства диссертации С. В. Шарапова, следует указать и на определенные недостатки:

1. Как представляется, спорным является положение о том, что «к весне 1928 г. партийно-государственная система находилась в условиях кризиса доверия и нараставшего социального недовольства, которое охватывало деревню и распространялось на город» (с. 100). Итоги выборов в Советы, результаты внутривнутрипартийной дискуссии, весьма незначительный и локальный масштаб рабочего протеста; характер и формы недовольства крестьян; даже усложнившаяся ситуация на продовольственном рынке – не подтверждают такой вывод.

2. Трудно согласиться с утверждением: «сталинская трактовка «вредительства» как проявления новой формы классовой борьбы не встретила серьезного отпора в верхнем эшелоне большевистского руководства» (с.101). И доклад А. И. Рыкова на Апрельском (1928) Пленуме ЦК, и резолюция Пленума по Шахтинскому процессу говорят об обратном. Показательно заключение доклада А. И. Рыкова: «корень событий (мы должны это твердо установить) заключается в общих недостатках методов нашей работы по всей сети партийных, профессиональных, и хозяйственных организаций».

Действительно, резолюция Пленума по вопросу о «Шахтинском деле» носила компромиссный характер. Она констатировала раскрытие в Донбассе «контрреволюционной вредительской организации». Тем не менее, на той же странице резолюция утверждала, что «большая часть технической интеллигенции перешла к искреннему сотрудничеству с Советской властью».

3. Автор справедливо указывает на слабые стороны идеолого-пропагандистской кампании 1928 г., выделяя в частности, узость и ограниченность приемов, методов, технологий пропагандистского воздействия. Однако в тексте диссертации раскрытию действия этих слабых сторон уделено недостаточное внимание.

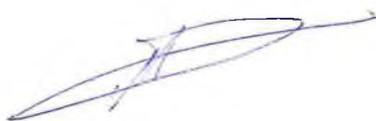
Отмеченные недостатки носят частный характер и не влияют на общее положительное впечатление от диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования и выводы автора отражены в восьми научных публикациях, из них три опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. В автореферате и публикациях отражены концепция соискателя и основные положения диссертационного исследования.

Автореферат диссертации полностью соответствует тексту диссертационного исследования.

Диссертационное исследование Сергея Валерьевича Шарапова по своей структуре, содержанию, степени обоснованности выводов, достоверности и новизне подготовлено на должном научном уровне, соответствует критериям, установленным для кандидатских диссертаций пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с последними изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 01 октября 2018 г. № 1168). Считаю, что автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

Официальный оппонент

профессор кафедры государственного управления
и политических технологий Уральского института управления
и филиала федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
доктор исторических наук (07.00.02 - Отечественная история),
профессор

М. А. Фельдман
feldman-mih@yandex.ru

06 февраля 2019 г.

Сведения об организации:

119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1;
(499) 956-99-99; information@ranepa.ru; <https://www.ranepa.ru>

Сведения о филиале:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; (343) 257-20-05;
director@ui.ranepa.ru; <http://www.ui.ranepa.ru>

Подпись удостоверяется

Подпись Фельдман Михаил
удостоверяю начальник общего отдела

